

Искусство за рубежом

Высокий блондин... на барже

Это не название нового фильма с участием популярнейшего актера Пьера Ришара. Всего лишь констатация места жительства полюбившегося советскому зрителю французского комика. Мсье Ришар проживает на самой настоящей барже под голландским названием «Эдрашт», причлененной к берегу Сены в самом центре Парижа, в двух шагах от площади Согласия, откуда берут начало Елисейские поля.

Спускаюсь по крутой деревянной лестнице в просторную кают-компанию, приемную и гостиную одновременно. Книжки, рукописи, на стене коллаж фотографий из фильмов, в которых снимался Ришар. Под ногами мерно покачивается пол, за иллюминаторами — темная зимняя вода Сены. Первый вопрос к действительно высокому блондину в домашних тапочках направившись сам собой:

— БАРЖА — это прихоть, эксцентрика или продуманный выбор?

— В жизни на барже масса плюсов и совсем мало минусов. Иначе я давно перебрался бы в другое место. Ну в первую очередь удобно жить в самом центре и одновременно как бы отстраненно от шума и гама большого города. Здесь тихо, легко припарковать машину. Кругом, посмотрите, такие же, как у меня, баржи, владельцы которых давно стали хорошими приятелями. Здесь спокойная атмосфера деревни, где друг друга отлично знают, что, надо отметить, почти исчезло из отношений между людьми в больших городах. Неудобства? Ну, это если вода в Сене поднимется, что бывает редко. К тому же жизнь на воде противопоказана любителям крепких напитков — в два счета можно оказаться за бортом.

— Недавно вышла ваша первая книга детских и юношеских воспоминаний — «Маленький блондин в большом парке», в которой, и это не только мое мнение, вы приятно поразили всех литературными способностями. В ней, в частности, рассказывается о том, что ваша семья была против артистической карьеры. И тем не менее

вы выбрали именно этот путь. Предназначение?

— Почему люди становятся писателями, поэтами, художниками? Наверное, чувствуют в себе огромную тягу к самовыражению. Жажда созидания, творчества, мне кажется, есть в любом человеке. Но далеко не всем удается ее реализовать из-за множества обстоятельств, сваливающихся на людей в повседневной жизни. Я родился в аристократической семье, где мое будущее было предопределено. Может быть, поэтому, из духа противоречия, с самого раннего детства я мечтал о том, чтобы выбраться из этого позолоченного гетто. Я выбрал судьбу актера. Учился в Париже, начинал в театре, где многие годы играл. Сознаю, у меня всегда вызывают подозрение молодые люди, а таких я встречал немало, которые хотят сниматься в кино, не пройдя через актерские университеты. У них часто бывает искаженное представление о нашей профессии. Они видят лишь глянец киножурналов, деньги, лимузины. Но они закрывают глаза на то, что успех и слава — удел очень немногих. Большинство же этого лишено.

— Вы говорили о театре... Не собираетесь возвращаться на сцену?

— Думаю, что через год. Для актера очень важно видеть перед собой публику, чувствовать ее реакцию. Кино, как ни крути, это консервы, которые лишают актера удовольствия жить единым дыханием со зрительным залом.

— Какие из фильмов, где вы снимались, вам ближе других?

— Их несколько. К примеру, «Игрушка». Почему? Да потому, что во многом этот фильм автобиографичен. Маленький мальчик в «Игрушке» — это я, каким был в детстве. Затем, пожалуй, «Беглецы». Это последний фильм, в котором я снялся в 1986 году с Жераром Депардье. Это очень смешной фильм, а я обожаю смешить людей, и одновременно грустный, даже драматичный. Действительно, что вроде бы веселого в истории безработного, который после смерти жены остался с немой дочкой и решился на ограбление банка. Это же драма, равная итальянским «Похищениям велосипедов». Талант режиссера Франсиса Вебера как раз и проявился в том, что он, сохраняя трагичность ситуации, сумел сделать фильм, от которого люди смеялись и плакали.

— А Депардье?

— По фильму он заматерелый преступник, волей случая столкнувшийся с безработным. Как здорово он показывает эволюцию бессемейного сорвиголовы, который постепенно берет под свою опеку горе-налетчика и его дочку. Я всегда старался сниматься в лентах, где смешное соседствует с глубоким смыслом. Иногда удается больше одно, порой перевешивает другое. Но идеальный баланс — в «Беглецах».

— С Депардье вы снимались в трех фильмах. В книге этого актера, кстати, также первой, которая называется «Украденные

письма», есть одна из глав, которую Депардье посвящает вам. Вы друзья?

— Да, это так. Наверное, не буду оригинален, если скажу, что Жерар — один из самых интереснейших актеров своего поколения. Он может играть с блеском все. Это чувствительный, сильный и ранимый человек.

— Какие отношения у вас складываются с режиссерами? У нас недавно в мире кино активно дебатировался вопрос: кто же главный — актер или режиссер?

— Во Франции одно время положение было немного другим: свою волю навязывали продюсеры. Они сами решали, кому снимать фильм и кому в нем сниматься. Причем мнение тех и других во внимание не принималось. Мне же всегда роли предлагали режиссеры. Ну а в этом случае мы становились единомышленниками, обходились без авторитарных замашек, строили отношения на основе равенства и компромиссов. Целью была всегда одна — сделать хороший фильм. Так что лично я пытался эту проблему решать полюбовно, без амбиций, ради пользы дела.

— В чем вы видите природу смешного?

— Если коротко, то смешное — это своего рода защитная реакция здорового и трезвомыслящего человека на окружающую среду — общество, природу и т. д. Смех выручает людей. Как это? Смеясь, мир освобождается от своих пороков, несовершенств.

— Вам приходилось бывать на своих фильмах?

— Конечно. Это, по сути дела, единственная возможность проверить свою работу, получить вознаграждение за свой труд. Обычно в субботу на вечерний сеанс, когда бывает больше всего народу, заходишь в уже темный зал. Поначалу следишь за людьми, а потом, отделяясь от

персонажа, которого играешь на экране, сам увлекаешься и начинаешь смеяться вместе со всеми. Если публика не веселится, конечно, переживаешь. Так что такой поход может быть и удовольствием, а может — и наказанием.

— Какие отношения у вас складываются с документальным кино?

— Два года назад снял ленту о Че Геваре. С юношеских лет восхищаюсь этим революционером. И хотя от документалистики я всегда был далек, но взялся за дело в надежде на то, что недостаток профессионализма компенсируется энтузиазмом. Поехал за материалом на Кубу, где, оказывается, меня неплохо знают. Встречался с женой Че, дочерью, друзьями. Работал в Национальной библиотеке, где хранится много документов о его жизни.

— Этот фильм был показан по телевидению...

— Да, но, к сожалению, поздно вечером. Однако те, кто хотел, увидели его.

— Какие человеческие качества вы цените выше других? И какие вызывают у вас резкий протест?

— Протестую против нетерпимости. Ее много, к сожалению, в жизни. Нетерпимость к соседу, к человеку с другим цветом кожи, иными взглядами. Посмотрите на историю. Самые тяжелые трагедии происходили как раз из-за нежелания понять друг друга. Сколько горя принесла нетерпимость религиозная, расовая, национальная. Терпимость, наоборот, качество, которое я ценю превыше всего.

— Над чем сейчас работаете?

— Снимаю фильм, сценарий которого написал сам. Условное название состоит из двух имен, звучание которых многое может сказать французам. Это «Пьер

де Буалев и Рашид Мирзауи». Первое имя стопроцентно аристократическое, второе — иммигранта-араба. За ними два мира. В обычных условиях эти люди никогда не сталкиваются, за исключением, может быть, тех случаев, когда бедняку-иммигранту позволяют помыть лобовое стекло аристократического лимузина.

— И все-таки они встречаются...

— Богач де Буалев, клептоман, в супермаркете крадет какой-то пустяк. Это замечает Рашид, который кричит: «Держите вора!» Появляется полиция и арестовывает... араба. Его увозят, но он успевает бросить в лицо аристократу: «Негодяй!». И того просто поражает столбняк — впервые в жизни нашелся смельчак, который отважился сказать ему подобное. Вот такая завязка. Не буду дальше рассказывать: фильм в апреле выйдет на экраны.

Кстати, хотелось бы затем эту ленту представить советскому зрителю. Я уже много раз собирался в вашу страну, но все что-то мешало. Последний раз меня пригласили в Одессу на фестиваль кинокомедий. И, к сожалению, опять не получилось. Надеюсь в этом году все-таки побывать в СССР, может быть, представить советскому зрителю мой новый фильм. Хотелось бы познакомиться с вашими режиссерами и, если получится, сняться у одного из них.

В наступившем году хочу пожелать народам наших стран, народам двух половинок Европы, чтобы сближение, так бурно начавшееся в прошлом году, продолжилось. Чтобы рухнули остатки барьеров, чтобы навечно были закрыты таможни, разделявшие наши сердца.

В. ПРОКОФЬЕВ.
[Соб. корр. «Труда»].

ПАРИЖ, январь.

19 января 1990 года

«Труд»